

«ВРЕМЯ
НАШЕГО СТРАХА»
НОВЫЙ
РОМАН

Чингиз Абдуллаев

*Что я должен делать?
Бояться собственной
жены, когда она меня
отравит? Или своего
заместителя, когда он
меня предаст? Бояться
своих друзей, которых я
знаю много лет?
Бояться своей
любовницы, ожидая,
что у нее меня будет
подстерегать убийца?
Пришло время моего
страха?*

Время
нашего
страха

ЭКСМО

Чингиз Акифович Абдуллаев

Время нашего страха

Серия «Дронго», книга 64

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177622
Время нашего страха: ЭКСМО; Москва; 2006
ISBN 5-699-18837-1

Аннотация

Задушен сторож санатория. Выброшен из окна фармацевт. Застрелен ученый. Перед этим все они получили от таинственного убийцы конверты с номерами 1, 2, 3... Конверт с номером 4 получил крупный бизнесмен. Похоже, он следующая жертва. А есть еще и другие конверты. Связывает этих людей только одно – все они друзья детства. Значит, мотивы убийства надо искать в их прошлом? Это первое, что приходит в голову Дронго. Но известный сыщик знает по опыту – разгадка преступления редко лежит на поверхности. Надо копать глубже. И искать то, что преступник постарался скрыть от глаз...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	17
Глава третья	32
Глава четвертая	47
Глава пятая	59
Глава шестая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Чингиз Абдуллаев

Время нашего страха

«Я подумал, что это оправдание никогда не исчезнет из обихода. Не только сил Тьмы, а ещё и самых обычных человеческих подонков.

Он сам во всем виноват! У него была квартира, машина и дорогой мобильный телефон, а у меня – три рубля, хронический алкоголизм и похмелье каждое утро. Потому я и ждал его в подворотне с кирпичом, гражданин начальник... У неё были длинные ноги, семнадцать лет и красивый парень, а у меня – импотенция, порнографический журнал под подушкой и розга, как у гориллы. Как я мог не накинуться на неё в подъезде, когда она вошла, напевая, с губами, горящими от поцелуев... У него была интересная работа, командировки по всему миру и хорошая репутация, а у меня – купленный диплом, мелкая должность под его началом и хроническая лень. Только поэтому я подстроил всё так, чтобы его обвинили в растрате и выгнали из фирмы...

Они все одинаковы: что люди, что Инье, жаждущие славы, денег, крови, обнаружившие, что самый короткий путь – это всегда путь темный. Им всегда кто-то мешает и всегда кто-то в чем-то виновен».

Сергей Лукьяненко. «Последний дозор».

Глава первая

Летняя жара действовала на него умиротворяюще. В холодную погоду он чувствовал внутреннее недомогание, начинали болеть суставы, клонило в сон и даже в самой теплой комнате возникало ощущение озноба. Очевидно, сказывалось его южное происхождение.

Может, поэтому летом он перебирался в Баку, поближе к морю. Выросший у моря, он не любил купаться или загорать. Ему больше нравилось созерцать эти огромные массы спокойной воды, протянувшиеся до горизонта. Каспийское море – самое большое озеро на свете.

Он любил свой родной город, так часто возникающий в его снах. И любил приезжать сюда, в свою квартиру, так похожую на московскую: и там и там были одинаковые комнаты, одинаковая мебель, одинаковые книги и одинаковые занавески. Иногда он путал места своего проживания, вспоминая, в каком именно городе он находится – в Москве или в Баку. В Риме, где жила его семья, всё было немного иначе, там не было привычных книг, привычной мебели и привычного одиночества.

Раньше он любил путешествия и книги. Теперь, побывав почти на всех континентах и более чем в восьмидесяти странах, он меньше путешествовал и больше читал книги. Эти друзья его никогда не подводили. Читать книги в Интере-

те он не любил, ему казалось, что это всего лишь имитация удовольствия, которое он получал от общения с настоящими книгами, пахнущими типографской краской и кожей.

В этот вечер он перечитывал Торнтон Уайлдера, когда раздался телефонный звонок. Дронго посмотрел на аппарат, перевел взгляд на часы. Около семи вечера. В доме было три телефона. Один работал в режиме записи и бесшумно включался, записывал все обращения позвонивших. Второй знали немногие друзья и знакомые. Третий был для Джил, детей и родителей. На этот раз позвонил второй аппарат, и было понятно, что это мог быть Эдгар Вейдеманис, находившийся в Москве. Дронго взял трубку.

– Добрый вечер, – услышал он голос своего напарника.

– Здравствуй, – сегодня у него было хорошее настроение, – как у вас дела?

– В Москве жарко. Под тридцать градусов. Просто невозможно дышать. А как у вас?

– Тридцать пять. Но дышится гораздо лучше.

– Конечно. У вас же есть море. И поэтому совсем другая погода.

– Ты можешь прилететь ко мне.

– Думаю, уже завтра прилечу, – согласился Вейдеманис.

– Опять гости? – помрачнел Дронго.

– Да. Но только если ты разрешишь им прилететь к тебе.

Вместе со мной.

– Такое срочное дело?

– Возможно. Ты должен сам решить, как быть.

– Что произошло?

– Два убийства подряд. Они просят тебя помочь...

– Понятно, – пробормотал Дронго. – Кого и когда убили?

Если, конечно, ты можешь говорить по телефону.

– Сначала задушили охранника в туберкулезном санатории, потом выбросился из своего окна фармацевт.

– Обычный фармацевт или глава компании? – уточнил Дронго.

– Самый обычный. У него даже остались долги. Он жил в панельном доме на двенадцатом этаже.

– Я начинаю тихо сходить с ума, – пробормотал Дронго. – Один – убитый охранник в туберкулезном санатории, а второй – фармацевт, живущий на последнем этаже в панельном доме и выбросившийся из окна. Всё правильно? И с кем из их знакомых ты собираешься завтра прилететь ко мне? Ты прекрасно знаешь, я не терплю этих разбогатевших нуворишей, но какое отношение имеют погибшие к нашим расследованиям? И зачем нужно прилетать сюда и тратить последние деньги их несчастных родственников?

– Не совсем так, как ты думаешь, – возразил Эдгар. – Это была компания друзей, которые выросли в одном дворе. Кто-то преуспел, кто-то не сумел устроиться в жизни. Их было шестеро. Двое из них сейчас достаточно состоятельные люди, но дело не в этом. Они все получили конверты с вложенными листками бумаги. У охранника была цифра «один», у

фармацевта цифра «два». И так далее. Ты меня понимаешь?

– Ясно, – нахмурился Дронго. – Кстати, почему фармацевт выбросился из окна? Он мог выбрать менее экзотический способ уйти из жизни. Выпил бы несколько таблеток снотворного. Или нечто в этом роде.

– Я тоже задал себе такой вопрос. И знаешь, что я выяснил? Он выпал из окна. А рядом была дверь на балкон. Обычно самоубийца выходит на балкон, оттуда легче прыгать.

– Из окна проще, – мрачно возразил Дронго.

– Что?

– Ничего. Это я так неудачно пошутил. Когда вы прилетаете?

– Завтра вечером.

– Я буду вас ждать. Собери все факты, какие сможешь. И прилетайте. Может, мы сумеем понять, почему этот фармацевт решил выброситься именно из окна.

Он положил трубку. Что-то его задело, какой-то момент в этом разговоре на него неприятно подействовал. Что именно? Почему он вдруг разозлился? Разговор с Эдгаром Вейдеманисом. С другом, которому он абсолютно доверяет. Что произошло? Какая именно фраза Эдгара выбила его из обычной колеи? Охранник? Фармацевт? Выросли вместе? Нет, не то. Эдгар сказал, что их было шестеро. Конверты? Нет, нет. Он сказал, двое из них «состоятельные люди». Вот именно эта фраза так подействовала на Дронго. Эти два сло-

ва. Получается, что ради охранника в туберкулезном санатории и запутавшегося в долгах фармацевта, живущего в панельном доме на последнем этаже, он не будет вести расследование. Так и получается. «Состоятельные люди». Конечно, Вейдеманис не хотел его обидеть, это получилось не нарочно. Но именно так и получилось. Ради несчастных людей, не имеющих денег, они не будут проводить свои расследования. Но если среди возможных жертв есть «состоятельные люди», всё сразу меняется. И они согласятся им помочь.

Дронго раздраженно опустил в кресло. Как обидно. Выходит, что все его принципы никому не нужны. Он всего лишь обслуживает богатых клиентов, всего лишь работает по найму. Он сжал руку в кулак. Или это не совсем так? Он пытается восстановить справедливость, найти и наказать виновных. И получает за это свои гонорары. Поиск справедливости за гонорар олигархов? Или он не прав? Любой труд должен оплачиваться. Его труд не простой и совсем не легкий. Он часто рискует своей жизнью, пытаясь найти убийцу или вычислить возможного преступника.

Он частный детектив, который не работает на государство. И поэтому он не может заниматься расследованием всех дел подряд. Но, с другой стороны, он всегда имеет право отказаться от расследования, если почувствует, что выступает не на той стороне, которая соответствует его моральным принципам. Такие случаи в его жизни тоже бывали. Тогда почему он так переживает? Дронго посмотрел на свои руки.

Он пытается честно отработать свои гонорары, пытается быть порядочным человеком в огромном и не всегда порядочном мире. Как легко себя успокоить, подумал он и, поднявшись, прошел на кухню, чтобы включить электрический чайник.

Вечером следующего дня в его гостиной уже сидели Эдгар Вейдеманис и двое неизвестных ему мужчин. Старшему было лет сорок пять. Это был крупный мужчина, немного похожий на самого Дронго высоким ростом и телосложением. Крупная кость, широкие плечи, упрямый, цепкий взгляд. Он рано поседел, располнел и поэтому казался немного старше своих лет. Незнакомец представился как Ледков Геннадий Данилович. Второй был немного моложе. Ему было за сорок. Он был среднего роста, подвижный, быстрый. Очки придавали ему несколько академический вид. Разговаривая, он немного заикался. Мелкие зубы, острый нос, небольшие уши и зеленые глаза сразу запоминались. Второй незнакомец представился как Евгений Романович Петунин.

Дронго обратил внимание на одежду обоих гостей. Первый был в дорогом костюме, у него были часы, которые стоили около десяти тысяч долларов. Галстук стоил не меньше двух сотен. Рубашка с небольшими запонками, в которые вставлены оригинальные бриллианты. На ногах обувь, которую Дронго сразу узнал. Это были черные ботинки известной итальянской фирмы. Второй был одет так же дорого, но менее изысканно. Если для первого одежда была предметом

роскоши и вызова, то для второго подобный гардероб был скорее внутренней потребностью. У него был мягкий серый костюм от Балансиаги, под который он надел рубашку без галстука. Обувь у него была сшита на заказ и сделана, очевидно, в Италии. Если Ледков любил вызывающий аромат Армани, то Петунин пользовался лишь легким Кензо.

Дронго подумал, что его гости достаточно состоятельные люди, причем Ледков стал состоятельным лишь недавно, а Петунин имел представление о роскоши и дорогой жизни с самого детства.

– Итак, господа, – начал Дронго, – вы прилетели ко мне из Москвы, очевидно, для срочной беседы. Полагаю, что у таких занятых бизнесменов, как вы, были веские причины бросить все свои дела и прилететь ко мне.

– Более чем веские, – кивнул Ледков. – Мы обратились к нашим друзьям, и они рекомендовали именно вас.

– Уже понял. И вы вышли на моего друга Вейдеманиса. Чем я могу вам помочь?

Ледков и Петунин переглянулись. Затем Ледков достал из внутреннего кармана пиджака конверт и положил его на стол.

– Вот, – сказал он мрачно, – мы получили такие конверты. И на каждом была конкретная цифра. Сначала мы решили, что это дурацкая игра. Никто не обратил внимания на эти конверты. Но потом задушили нашего друга. Мы даже тогда не поверили, думали, что это страшная, трагическая случай-

ность. Никто и не вспомнил про конверты. Потом погиб второй. И тогда мы собрались, чтобы понять, как такое могло случиться.

Дронго взглянул на конверт.

– Давайте по очереди, – предложил он, – сначала про конверты. Вы достали его из внутреннего кармана пиджака довольно уверенно, не беспокоясь, что там могут быть чужие отпечатки пальцев. Если я прав, то вы должны были проверить эти конверты до того, как приехать ко мне.

Ледков усмехнулся и кивнул головой.

– Верно, – сказал он, – мы проверили все конверты – никаких отпечатков пальцев мы не нашли. Вернее, не мы, а эксперты, которых мы попросили о помощи. Никаких следов. Обычные конверты, купленные на почте. Обычная бумага. И цифры написаны не ручкой, а компьютером. Шесть цифр.

– Откуда вы знаете, что их именно шесть?

– Нас пригласили в прокуратуру и спросили про эти идиотские конверты. Дело в том, что конверт с цифрой «два» лежал на столе, когда наш друг выбросился из окна. Теперь понимаете, почему мы узнали про конверты? Следовательно спрашивал нас про эти конверты и цифры. Но тогда мы ещё не знали, что каждый из нас получил такую «посылку».

– Кто ведет расследование?

– Московская городская прокуратура. Следователь Вакуленко. Оба дела уже объединили в одно. Она так нам пояснила.

– Она? – сразу переспросил Дронго.

– Ну да. Поэтому я сразу ей и не поверил. Разве может женщина найти убийцу? Она довольно дотошная баба, но я не очень верю в её возможности... И вообще, женщина и расследование уголовных дел – вещи несовместимые друг с другом.

– А Агата Кристи? – улыбнулся Дронго. – Она умела придумывать загадки и находить им весьма достойные разрешения.

Ледков не ответил. Вместо него заговорил второй гость.

– Она была только п-писателем. – вставил Петунин. – Но даже м-миссис Марпл занималась м-менее сложными делами. Самые г-громкие расследования п-проводил Эркюль Пуаро.

– У прокуратуры свои возможности и свои методы, – напомнил Дронго, – и на них будет работать вся городская милиция. У меня нет таких возможностей.

– Вы отказываетесь? – удивился Ледков.

– Нет, предупреждаю. А теперь все по порядку. Итак, вы получили шесть конвертов. Какой номер был у вас?

– Четвертый, – нахмурился Ледков. – Вы не хотите сами посмотреть листок в этом конверте?

– Не сейчас. А какой номер у вашего друга?

Петунин полез в карман и достал свой конверт, положил его на столик рядом с первым.

– П-пятый, – сообщил он коротко.

– Значит, есть ещё третий и шестой? Я могу узнать, кому послали эти конверты?

– Нашим друзьям, – сообщил Ледков. – Третий номер у Кима Сипакова. А шестой получил Арнольд Кросс. Он сейчас живет в Таллине. Мы ему звонили. Он подтвердил, что получил непонятный конверт с глупой цифрой.

– Как получил? По почте?

– Нет. Ему кто-то бросил конверт в почтовый ящик. Но там нет никаких почтовых штемпелей. Чистый конверт, как у нас, с вложенным туда листком бумаги, на котором указана цифра «шесть».

– Шесть конвертов, – подвел итог Дронго, глядя на лежащие перед ним конверты. – Насколько я понял, вы знали друг друга давно?

– С самого детства, – оживился Ледков. – Мы вместе выросли на Красной Пресне. У нас был дружный двор и своя компания...

Он посмотрел на своего друга, словно ища подтверждения.

– Да, – продолжил Петунин, – мы знали друг друга с детства. С Геной мы ж-жили на одной лестничной п-площадке.

– У нас два года разница, – вставил Ледков, – но мы всё время были вместе. Отец Жени был главным инженером завода, самым уважаемым человеком в нашем доме. А мой отец работал в технологическом отделе заместителем начальника. У нас все друг друга знали.

– А остальные?

– Тоже жили в нашем доме. Родители Кросса были конструкторы, они переехали в Москву из Ленинграда ещё до войны. А во время войны эвакуировались в Алма-Ату и снова вернулись в Москву. У него была сестра, в которую мы все были немного влюблены. Но она вышла замуж за какого-то немца из ГДР и уехала с ним в Лейпциг ещё двадцать пять лет назад.

– Кто ещё трое?

– Ким Сипаков. Его отец был известным врачом, хирургом. Они получили квартиру в нашем доме и переехали к нам позже остальных. Ким младше меня на один год, он учился в другой школе, но потом перевелся в нашу. Ким был слабым, болезненным мальчиком, и его часто обижали. А мы не давали его в обиду. Сейчас он заведующий лабораторией в научно-исследовательском институте. И к этим конвертам относится очень несерьезно. Он считает, что это совпадение, и не верит в опасность.

– А первые двое?

– Байрам Низамов. Он был татарин. Его отец и дед работали дворниками в нашем дворе, и они занимали небольшой флигель. Потом его снесли. Байрам ушел после восьмого класса в ПТУ, но жизнь у него не сложилась. Он служил на флоте, потом вернулся, несколько раз менял место работы. Пил. И в результате попал охранником в санаторий. Его туда Сипаков устроил. Вот так всё нелепо получилось.

– А второй?

– Борис Туричин. Его отец был геологом, погиб где-то в экспедиции. Он рос с мамой и бабушкой. Лучше нас учился. Закончил школу с серебряной медалью. И пошел в медицинский, как и Ким. Только учился на фармацевта. Он всегда был немного замкнутый, развелся с женой, жил один. Следовательно спрашивала у нас, были ли у него приступы депрессии. Откуда мы могли знать? Только тогда почему этот конверт лежал у него на столе перед тем, как он якобы выбросился из окна?

– И у вас нет никаких версий? – спросил Дронго. Вы никого не подозреваете?

Ледков и Петунин переглянулись в очередной раз.

– Подозреваем, – твердо сказал Ледков, – поэтому мы и пришли именно к вам.

Глава вторая

Дронго взглянул на Вейдеманиса. Очевидно, они успели поделиться своими подозрениями с его другом, тот сидел достаточно спокойно, ожидая, когда свой вердикт вынесет и сам хозяин квартиры.

– Кого именно вы подозреваете? – уточнил Дронго. – Кого-то из оставшихся в живых?

– Нет, – сразу ответил Ледков, – ни один из нас не способен на такую пакость. И просто так пугать бы никого не стал. Или так глупо шутить.

– М-мы поговорили с ребятами, – подтвердил Петунин, – все п-получили одинаковые к-конверты, и все не п-понимают, кто и зачем их п-послал.

– Когда погиб Низамов?

– Примерно месяц назад, – ответил Ледков, – в начале июня. У вас можно курить?

– Нет, – ответил Дронго, – извините, но это категорическое требование для всех гостей. Дым потом долго не выветривается. А для некурящего человека находиться в таких помещениях крайне сложно. Если совсем не можете терпеть, выйдите на лестничную площадку.

– Потерплю, – решил Ледков, – ничего со мной не случится. Вообще-то я бросил курить восемь лет назад, и уже давно меня к этой гадости не тянуло. Но вот сейчас... После

смерти Байрама и Бориса.

– Когда погиб Туричин?

– Прошло уже две недели.

– И кого вы подозреваете?

– Мы думали об этом. Учтите, что у нас разные профессии и разные интересы, – заметил Ледков, – и о нашей дружбе в детстве знают только люди, которые были с нами знакомы в те годы, примерно сорок лет назад.

– Правильно, – согласился Дронго, – если только вы шестеро получили эти конверты, значит, их мог послать человек, знавший о вашей дружбе. Может, был ещё и седьмой?

– Седьмого не было. Но в нашем дворе жил ещё один молодой человек. Вернее, там было несколько ребят старше нас. И среди них Толик Хомичевский. Его отец погиб в Венгрии в пятьдесят шестом, когда Толику было полгода. Он был старше нас на несколько лет. И часто ловил по одному и больно бил. Отнимал деньги, устраивал разные мелкие и не совсем мелкие пакости. В детстве несколько лет – очень большой срок. К тому же он водился с блатной компанией и уже в двенадцать лет закурил. А в четырнадцать имел несколько приводов в милицию. В общем, мы все его очень боялись. Но однажды он избил Арнольда так, что тот попал в больницу. Арнольд спрятал деньги, которые ему дали на книги. Его мама рассказала об этом во дворе, и Толик знал, что у Арнольда должны быть деньги. Он его остановил, обыскал, но ничего не нашел. Откуда ему было знать, что

Арнольд передал их мне, чтобы я их спрятал. Толик искал деньги, а когда не нашел, избил нашего друга.

Ледков невольно нахмурился и продолжал:

– Ни родителям, ни учителям Арнольд ничего не рассказывал. Но я ведь знал, что Толик искал эти деньги. И тогда мы решили, что «беспределу» Хомичевского нужно положить конец. Когда в следующий раз он подкарауливал уже Кима, мы все оказались рядом. Справиться с пятью пацанами, даже намного младше него, он не смог. Мы дрались, как очумелые. Он разбил нос Жене, поставил мне огромный синяк под глазом, вывихнул руку Киму. Но мы всё равно победили. И он позорно убежал. С тех пор он не трогал никого из нашей компании.

Дронго неожиданно улыбнулся.

– Почему вы улыбаетесь? – нервно спросил Ледков. – Мы должны были ждать, пока он отколотит нас поодиночке? Или вызвать его на дуэль. Он был старше нас. Почти подросток. А мы были ещё дети. Конечно, мы не должны были впятером нападать на одного, но как нам нужно было поступить? Может, это не очень по-мальчишески, но, по-моему, справедливо. Или нам нужно было ждать, пока кто-то из нас снова попадет в больницу?

– Нет-нет, – возразил Дронго. – Дело в том, что у нас был похожий случай. Нам с младшим братом не давал проходу один хулиган, который был старше нас на несколько лет. Каждый раз, когда кто-то из нас двоих появлялся во дворе,

он начинал задираться, прекрасно понимая, что сильнее нас. Любая драка заканчивалась не в нашу пользу. Нам с братом это надоело. И тогда мы решили действовать. Брат, якобы убегая от него, забежал в подъезд, где я их поджидал. И мы вдвоём отлупили обидчика. Больше он к нам никогда не приставал.

Спустя несколько лет подобный инцидент повторился уже в школе. В наш дружный класс попал второгодник, который умудрялся оставаться в каждом классе по два или три года. Нам было по двенадцать лет, а ему уже шестнадцать. И он не просто колотил наших мальчишек, но и позволял себе над нами издеваться. Особенно доставалось тщедушным и слабым ребятам, которые его просто боялись. Вот тогда мы и решили действовать. Сразу несколько самых крепких ребят набросились на него в раздевалке. Знаете, что было самое смешное? Даже самые слабые ребята просили разрешить им подраться с этим мерзавцем. И мы его хорошо побили. Это моё самое приятное воспоминание, – признался Дронго. – Через несколько дней он перевелся из нашего класса.

– Ну вот, видите, – обрадовался Ледков. – Только Хомичевский никуда не перевелся. Он ведь жил в нашем дворе и водил дружбу со своей компанией. К этому времени он ушел из школы и учился в каком-то ПТУ. Но однажды, сорвавшись, ударил ножом преподавателя физкультуры нашей школы. Говорили, что тот узнал про наркотики, которыми они торговали. Толик Хомичевский принес нож и хо-

тел спрятать его за флигелем, но Байрам увидел, куда он его прячет. И потом рассказал нам. Кто-то из нас проговорился родителям. Нож нашли, передали участковому, и Толику дали четыре года тюрьмы. Потом говорили, что ножом ударил не он, это был не его нож, он хотел помочь кому-то из своей компании, но ничего уже нельзя было сделать. Через несколько лет Толик снова появился у нас во дворе. Он прошел мимо нас и зло погрозил нам всем кулаком, но подойти не решился. К тому времени мы уже заканчивали школу и довольно сильно вытянулись. Боря Туричин занимался боксом, я был неплохим самбистом, Женя ходил в секцию дзюдо. В общем, нападать на нас шестерых было безумием, и, похоже, он это понимал. Потом он снова попал в тюрьму, на этот раз за грабеж и покушение на убийство. Ему дали восемь или десять лет. Больше я его не видел. Но Женя встретил его однажды, лет пятнадцать назад.

– Д-да, – подтвердил Петунин, поправляя очки, – мы встретились с ним на футболе. Я б-был с двумя друзьями. Мы п-проходили мимо, когда он м-меня окликнул. Я его не сразу узнал. Он сильно п-постарел, был одет в старую к-куртку. Он п-попросил денег. И я ему д-дал. Немного дал. Он поблагодарил, схватил м-мою руку двумя своими руками. З-зубы у него были п-плохие.

– И всё?

– Д-да.

– И вы полагаете, что спустя тридцать или сорок лет он

решил отомстить вашей компании таким непонятным образом? Послал всем предупреждения, чтобы они знали о готовящихся убийствах? В таком случае почему не намекнул, за какие грехи? И почему так долго ждал?

– Не знаю, – признался Ледков. – Но кто-то начал с того, что задушил именно Байрама Низамова. Поэтому мы и подозреваем Толика Хомичевского. Его называли «Кривой Толик». В лагере кто-то ударил его, и у него был неприятный шрам на левой стороне лица.

– А как он послал письмо вашему другу Кроссу? По почте?

– Нет. Письмо подбросили в почтовый ящик. Как и остальные пять. Или три, про первые два мы не знаем, как они попали к Боре и Байраму.

– Когда пришли письма?

– Примерно полтора месяца назад. Почти всем сразу. Мы проверяли.

– И Кроссу в Эстонию?

– Да. Мы поэтому и вычислили Толика. Ведь из-за него Арнольд тогда попал в больницу. Вот он и решил проявить такое воровское «благородство». Сначала приговорил Низамова, который увидел нож, а последним решил убить Арнольда, которого он немного пожалел.

– Теория интересная, но, по-моему, дикая, – пожал плечами Дронго. – Прошло столько лет. Зачем ему столько ждать? И зачем мстить подобным образом? Если он хочет убивать,

то может сделать это так, чтобы следователи не думали о самоубийствах. Зачем тогда он выбросил из окна вашего друга Туричина, а не задушил его? Или не убил каким-нибудь другим способом? Ножом или пистолетом. Почему оставил возможность двусмысленного толкования смерти фармацевта?

Ледков огорченно кивнул в знак согласия. Очевидно, эту теорию выдвинул именно он. Петунин сразу согласился.

– Я т-тоже не думал, что это Толик. – Признался он. – Я его в-видел тогда на футболе. Он имел т-такой жалкий вид.

– Больше никаких подобных типов в вашем дворе не было? – уточнил Дронго.

– Не было, – ответил Ледков. – Мы до сих пор туда ездим. У нас был очень дружный двор. И все нас помнят.

– И никто из вас больше там не живет?

– Почему? Живут. Мама Жени там живет, – показал на Петунина Ледков. – Родители Кима там живут до сих пор. Отец очень старый, на улицу почти не выходит. С ними живет сестра Кима и её семья. У неё двое мальчиков-близнецов, уже в девятом классе. И прекрасный муж, тоже врач. Сипаков был известный хирург и получил тогда большую четырехкомнатную квартиру.

– А остальные?

– Наша семья переехала в Сокольники, отец перешел на работу главным технологом на другое предприятие. Сейчас у меня квартира на Ленинском проспекте. У Байрама никого не осталось, сестра уехала в Казань. У Бори не было сестер

и братьев, семья Кросса сейчас в Эстонии. Вот, собственно, и всё.

– Вы не рассказали про свою семью и про семью вашего друга Петунина, – напомнил Дронго. – Вы были единственными детьми в своих семьях?

– Нет, – ответил Ледков, – у меня два брата. Оба младше меня. Один работает дипломатом в Мексике, он там советник в нашем посольстве. Другой, самый младший, пошел по папиной линии. Стал главным технологом на Новолипецком комбинате. А у Жени Петунина сестра вышла замуж за грузина и сейчас живёт в Санкт-Петербурге, её супруг возглавляет крупную страховую компанию.

– У вас есть семья? – уточнил Дронго.

– Есть. Сын и дочь, – кивнул Ледков. – У Жени тоже сын и дочь. Не понимаю, почему вы спрашиваете?

– Хочу узнать обо всём более подробно. А вы рассказали следователю о своих подозрениях?

– Конечно, рассказали. Почти сразу, как только нас вызвали на допрос. Они нашли наши фотографии, где мы все вместе, а бывшая супруга Бори рассказала, что мы дружили и встречаемся до сих пор.

– У него были дети?

– Сын, – помрачнел Ледков. – Он сейчас учится в десятом классе. Хочет стать фармацевтом, как и его отец.

– У Сипакова есть семья?

– Есть, но детей нет. Не знаю, кто виноват, но они живут

вместе уже лет пятнадцать. И живут дружно. У его жены Тамары это второй брак, но про первого мужа она никогда не вспоминала. Она очень хорошая жена.

– А Кросс?

– Он трижды был женат, – оживился Ледков. – И у него трое детей от каждой жены. Старшей уже двадцать три года. Она закончила институт и теперь работает дизайнером. Удивительно красивая и умная девочка. Остальные двое мальчишек младше. Одному пятнадцать, другому четыре или пять.

– Ш-шесть, – подсказал Петунин.

– Значит, уже шесть, – согласился Ледков.

– Вы говорили о своих подозрениях следователю?

– Конечно, говорили. Но она только улыбалась в ответ.

Похоже, она в эту мальчишескую историю не очень верит. Но обещала послать запрос и проверить, где сейчас находится «Кривой Толик». До сих пор мы никакого ответа от неё не получили. Тогда мы посоветовались и решили, что будет правильно, если мы начнём собственное расследование. Нужно точно знать, что это такое. Глупая шутка или настоящая опасность для оставшихся ребят. Для нас четверых.

– И больше никаких врагов у вас не было?

– Не знаю. В детстве, наверно, мы кого-то били, но поодиночке. Кто-то бил нас. Но таких «общих» врагов не было. Да и сейчас не могло быть. Байрам работал охранником в туберкулезном санатории. Какие у нас могли быть общие дела, кроме детских воспоминаний? Боря был фармацевтом. Ким

работает в научно-исследовательском институте. Женя Петунин возглавляет филиал немецкой фирмы по продаже их оборудования для газовой промышленности. А у меня свой бизнес, я занимаюсь лесным хозяйством. Мы не имеем друг к другу никакого отношения.

– Ты з-забыл про Арнольда, – вставил Петунин.

– Верно. Он сейчас возглавляет фирму, занимающуюся проектированием домов. Очень неплохо зарабатывает. Обещал спроектировать для нас виллы где-нибудь на эстонском побережье Балтики.

Дронго взглянул на молчавшего Эдгара Вейдеманиса. Его друг никогда не отличался многословием. И умел понимать его по одному взгляду.

– Не похоже, – словно прочитав мысли своего друга, ответил Вейдеманис.

– Я тоже так думаю, – кивнул Дронго, – слишком долго и необычно. Но можно проверить...

– Вы можете нам помочь? – поинтересовался Ледков.

– Постараемся, – немного подумав, ответил Дронго. – Но мне придется познакомиться с каждым из оставшихся в живых. И начнем мы с «третьего номера». С Кима Сипакова. Если я правильно вас понял, между первым убийством и вторым прошло примерно дней пятнадцать? Верно?

– Да. И между получением этих писем и первым убийством тоже пятнадцать дней, – напомнил Ледков. – Именно поэтому мы так и беспокоимся. Более всего за Кима. Мы не

стали ждать, пока убийца начнет действовать, и наняли нашему другу охрану.

– Это очень неплохой ход, – кивнул Дронго.

– Мы обратились в частное агентство, и двое их ребят теперь повсюду сопровождают Кима. Я думаю, кашу маслом не испортишь. Поэтому мы начали расспрашивать, и нам сообщили, что вы лучший специалист по расследованию самых запутанных уголовных дел. Мы вышли на вашего друга Вейдеманиса, и он согласился привезти нас к вам. Хотя я считал, что вы живете в Москве.

– Чаще всего именно там, – ответил Дронго. – И вы хотите, чтобы я нашел возможного убийцу?

– Конечно. Нам важно не только спасти себя, но и наказать негодяя, если такой действительно есть, который убил наших товарищей.

– Вы сказали, что Борис Туричин занимался боксом. Насколько профессионально?

– Дошел до первого разряда. Но за себя постоять мог. Если вы думаете, что его могли просто так выбросить из окна, то ошибаетесь.

– На его теле нашли следы борьбы?

– Нет. Ничего не нашли. Мы тоже интересовались.

– Когда вы в последний раз с ним виделись?

– В конце мая. Как раз был день его рождения. Он жил один, без жены, и мы считали нужным собраться вместе, чтобы его поздравить. Приехал даже Байрам и привез ему ко-

робку конфет. Он был очень расстроган. Потом мы хорошо посидели в ресторане. Впятером. Арнольд не смог прилететь.

– Вы до сих пор встречались?

– Конечно. Мальчишеская дружба самая крепкая. Мы стараемся видеться хотя бы раз в квартал или в полгода. У меня день рождения в конце июля, и все обычно уезжают, но к Борису мы ездили все вместе. Время удобное, конец мая. Экзамены, все в городе, хорошая погода для поездок на природу. И к Жене тоже ездим. Он родился в начале февраля.

– Вашего друга Сипакова тоже допрашивали в прокуратуре?

– Они вызвали его первым. Следователь нашла фотографию, на которой мы снялись ещё молодыми. А рядом была карточка, которую мы сделали на последнем дне рождения Бориса, как раз совсем недавно. Они сразу начали нас искать. И узнали про эти дурацкие конверты с цифрами.

– Мне нужно будет каким-то образом познакомиться с материалами обоих уголовных дел, – задумчиво произнёс Дронго, взглянув на Эдгара. – Может, попросим Леню Кружкова вспомнить о своих связях в прокуратуре?

– Постараемся, – ответил Вейдеманис. – Но ты знаешь, как это сложно. Они не разрешают знакомиться с такими материалами даже свидетелям. Есть процессуальный кодекс.

– Оформите меня адвокатом Ледкова или Петунина, – предложил Дронго. – И я поговорю с этой Вакуленко. Мо-

жет, мне удастся убедить её показать мне все материалы.

– Так будет лучше, – согласился Эдгар.

– У вас есть своя охрана? – поинтересовался Дронго у прибывших к нему гостей.

– У меня есть телохранитель, – ответил Ледков, – работает у меня больше двух лет. Очень надежный человек. А у Жени пока нет. Но он только «пятый». Может, пока ничего страшного. До него ещё не дошла очередь.

– Где ваш телохранитель?

– Сидит внизу, в машине. Ждет меня. Мы заказали автомобиль в отеле, и нам предоставили машину с водителем. Он там нас ждет. Бывший офицер-пограничник, был ранен, комиссован. В общем, очень надежный человек.

– И больше никого вы с собой не взяли?

– Нет. А вы считаете, что мы могли бы везти с собой вооруженную охрану через две границы? Да ещё в самолете? – немного обиженно спросил Ледков.

– Я так не говорил. Люди, которые охраняют вашего друга, имеют оружие?

– Да, – сразу ответил Ледков, – у них есть право на ношение оружия. Они сотрудники частного охранного агентства.

– Сипаков знает об этой охране?

Ледков замаялся. Посмотрел на Петунина, словно разрешая ему ответить на этот вопрос.

– Он не з-знает, – ответил Петунин. – Мы ему г-говорили, что это опасно, но он не с-соглашался. И не х-хочет, чтобы

ему выделяли т-такую охрану.

– Значит, он не знает? – подвел итог Дронго. – И ваши люди следят за ним, стараясь не привлекать к себе внимание? Верно?

– Он всегда был таким упрямым, – в сердцах произнёс Ледков.

Дронго нахмурился. Подобное обстоятельство могло сильно осложнить работу частных детективов.

– Нам нужно понять, что происходит, – сказал Ледков, неправильно истолковавший молчание хозяина квартиры. – И мы не остановимся ни перед какими расходами. Если кто-то решил таким образом свести с нами счеты, то мы должны быть готовы его встретить.

– Как убили Низамова? – спросил Дронго.

– Его задушили, – ответил Ледков.

– Как именно? Руками? Какой он был? Маленький, тщедушный или, напротив, мощный, сильный, такой, как вы, извините за подобное сравнение.

– Нормальный. Немного ниже меня ростом. Но в последнее время он сильно похудел. У него была больная печень.

– Е-его з-задушили п-п-подушкой, – сказал, заикаясь сильнее обычного, Ледков. – Кто-то п-положил на него п-подушку.

Дронго снова замолчал. Чем больше ему рассказывали об этом странном деле, тем больше оно ему не нравилось.

– Вы с-согласны? – нарушив затянувшееся молчание,

спросил Петунин.

– Да, – кивнул Дронго, – я думаю, нам нужно срочно лететь в Москву. И желательно уже утренним рейсом. А пока расскажите мне про вашего телохранителя.

Глава третья

Утром следующего дня пятеро мужчин прошли в самолет, разместились в салоне бизнес-класса. Дронго познакомился с телохранителем Ледкова. Это был высокий, мрачный мужчина лет сорока. Бывший офицер-пограничник. В горах Таджикистана он был тяжело ранен и контужен. После чего его отправили на пенсию. Ему было только тридцать четыре. Это было семь лет назад.

Подполковник Александр Казберук с детства мечтал быть пограничником. И в армию он пошел, попросившись в пограничные войска. После окончания высшего военно-учебного заведения он отправился на службу. И за двенадцать лет прошел путь от лейтенанта до подполковника, имел несколько боевых наград. А потом он был тяжело ранен и, вернувшись в Москву, вдруг обнаружил, что никому не нужен и должен жить на нищенскую пенсию инвалида. Шел девяносто девятый год, время после августовского дефолта, когда рухнувший рубль, казалось, навсегда похоронил все надежды на возможный экономический рост страны. Разорились многие банки и фирмы, бизнесмены стрелялись и убегали, вкладчики теряли свои деньги.

Через два года от него ушла жена с сыном. Она не могла и не хотела терпеть. Квартиры у них не было, они скитались по коммуналкам, жили на её зарплату, его пенсии не хватало

даже ему самому. Он уехал в Минск, на родину и устроился в охранное агентство. Через несколько лет он был уже одним из лучших сотрудников. Ледков продавал лес, в том числе и через Белоруссию. Три года назад он познакомился с Казберуком, который сопровождал его в поездках по Белоруссии. Ледков оценил и невозмутимость своего нового знакомого, и его профессионализм. И предложил Александру Трофимовичу перейти на работу в свою фирму. Казберук вернулся в Москву, где довольно быстро купил сначала однокомнатную квартиру, затем поменял её на двухкомнатную. С женой он не хотел видиться, а сыну, уже ставшему студентом, старался помогать. Хотя справедливости ради стоит отметить, что сын не проявлял особого желания встречаться с отцом. Очевидно, сказывалось негативное влияние матери. Но деньги от отца получал с удовольствием, никогда не отказываясь.

Казберук устроился на последнем сиденье в салоне бизнес-класса. Он сидел один, рядом никого не было. Дронго дали билет вместе с Эдгаром, а Ледков оказался рядом со своим другом Петунином. Когда самолет набрал высоту, «Дронго» поднялся и перешел на последнее сиденье.

– Не возражаете? – спросил он у Казберука.

Тот только молча кивнул головой. Дронго уселся рядом с ним.

– Давно работаете с Геннадием Даниловичем? – поинтересовался Дронго.

Казберук взглянул на него. У него были серые глаза.

– Вы же спрашивали обо мне у Ледкова, – ответил он. – Геннадий Данилович мне рассказал, что вы его расспрашивали обо мне. Зачем? Думаете, что я решил задушить одного его друга и выбросить из окна другого?

– Не думаю. – Дронго посмотрел на левую руку своего собеседника. На ней были видны шрамы от ожогов. – Таджикистан? – уточнил он.

– Вы и это знаете? – усмехнулся Казберук. – Нет, это на Кавказе. В Дагестане. Я тогда неудачно обгорел...

– Ясно. Тем не менее вы не ответили на мой первый вопрос.

– Мы знакомы примерно три года. А последние два года я работаю с Ледковым в его фирме. Может, чуть больше...

– Вы знали убитых?

– Знал. Недавно у Туричина был день рождения. Они все встретились, потом в ресторан поехали. Я с ними вместе сидел. Они очень дружили.

– Вы видели конверты?

– И даже отправлял их на экспертизу. Никаких отпечатков пальцев. Работали профессионально.

– Что вы думаете об этом? Может быть, неудачная шутка?

– Не похоже, – прямо ответил Казберук. – Байрама задушили, в этом нет никаких сомнений. Насчет Бориса не знаю, но если был такой конверт, значит, убили и его.

– Есть подозрения? Мог быть кто-то из этой шестерки?

Александр изумленно взглянул на Дронго.

– Выбросите такие мысли из головы, – мрачно посоветовал он. – Эти ребята так дружили и так любили друг друга. Даже сейчас. Они ведь предлагали Низамову уйти с работы, Геннадий Данилович даже просил его перейти к нему в контору. Но Байрам отказался, гордый был, не хотел работать у своего друга. И они очень дружили. Хотя трое уже известные бизнесмены...

– Трое?

– Ну да, Геннадий Данилович, Петунин и Кросс.

– Вы его тоже знаете? Но он не был на последнем дне рождения?

– Зато был на других. Я его несколько раз видел, когда он приезжал в Москву.

– Как вы считаете, вашему шефу угрожает реальная опасность?

Казберук тяжело вздохнул. Затем решительно сказал

– Пока я жив, нет. Никого к нему не подпущу. Но насчет первых двоих не знаю. Не нравится мне эта история, очень не нравится...

– Вы сделали запрос насчет Хомичевского?

– Сообщили следователю прокуратуры. Но я некоторых ребят знаю, попросил помочь. Говорят, что последние годы он был «смотрящим» по харьковской зоне.

– Солидная должность, – согласился Дронго, – но её обычно дают заслуженным ворами, которые выходят на пенсию. Или в предпенсионном возрасте.

– Но это было в конце девяностых. Потом о нем никто не слышал. Может, прокуратура найдет его на Украине.

– У вас нет больше никаких подозрений? – уточнил Дронго.

– Никаких. Я сам всё время думаю, кому и зачем нужно было убивать несчастного охранника в санатории. Или выкидывать фармацевта из окна. Не знаю. Я поэтому предложил Геннадию Даниловичу нанять охранников для Сипакова и найти профессионального эксперта для расследования этих преступлений.

– И вышли на меня?

– Вышли на вас, – подтвердил Казберук. – Говорят, что вы лучший. Я много разного про вас слышал. Может, вы действительно сумеете найти того, кто отправлял эти непонятные письма.

Дронго поднялся и прошел к Эдгару, сел рядом с ним.

– Что-нибудь узнал? – поинтересовался Вейдеманис.

– Он не считает, что это неудачная шутка, – вздохнул Дронго, – и похоже, что он прав.

– Это было понятно с самого начала. – Эдгар посмотрел в иллюминатор. – Мы оформим тебя сегодня представителем Ледкова. Чтобы ты мог поехать в прокуратуру как его адвокат.

– Что вы будете пить? – спросила, наклоняясь к ним, стюрдесса.

Дронго взглянул в окно. Пока летели нормально.

– Дайте немного яблочного сока, – попросил он. Когда самолет не трясло, он обычно не брал спиртного.

На следующий день он отправился в прокуратуру, получив все необходимые документы. Он понимал шаткость своего «юридического положения». Следователь могла даже его не принять. Ведь формально Ледкову не были предъявлены никакие обвинения, и он проходил по делу всего лишь свидетелем. А адвокат свидетеля не имеет право вмешиваться в процессуальную деятельность следователя, тем более что его клиенту ничего не грозит. А тайну следствия пока никто не отменял.

Старшему следователю городской прокуратуры Людмиле Алексеевне Вакуленко шел сорок четвертый год. Из них почти двадцать два она проработала в органах прокуратуры, начав ещё стажером в районной прокуратуре в Туле. Всю свою жизнь она работала следователем и прокурором, получая очередные звания за выслугу лет. Она была некрасивой. Редкие рыжеватые волосы, большие роговые очки, немного выпученные глаза, жесткая линия тонких губ. Может, поэтому она так медленно продвигалась по служебной лестнице. К ней относились с подчеркнутым уважением, отмечая её служебные достижения, но не более того. С мужем она развелась ещё пятнадцать лет назад и воспитывала сына одна. Дважды она встречалась с другими мужчинами, но первый оказался типичным «альфонсом», решившим пожить за её счет, и она его выгнала, а второй, не выдержав давления с её

стороны, сбежал сам. Из этих печальных опытов она вынесла твердую уверенность, что все мужчины, кроме её сына и отца, настоящие сволочи, на которых нельзя рассчитывать. К тому же она встречалась во время своей работы не с лучшими образцами мужской братии.

Последние пять лет у неё не было мужчин, а в таком возрасте это плохо сказывается на женщинах. У неё начались задержки месячных, иногда подскакивало давление, болел желчный пузырь. Всё это тоже отражалось на её характере. Она становилась злой, язвительной женщиной, уже понявшей, что семейное счастье – почти невозможная мечта, а встретить мужчину своей жизни – вообще утопия. Женщина, лишённая любви, постепенно теряет свой пол. Более того, она становится безжалостной и черствой, превращается просто в чудовище со сложным и подозрительным характером. Она убеждена, что все сказки про это чувство были придуманы мужчинами, чтобы обмануть женщин. Постепенно старший следователь Вакуленко превращалась в мстительное и подозрительное существо, что при её власти делало её жестокой.

Разумеется, не все женщины, потерявшие мужей или не имеющие мужчин в детородном возрасте, трансформируются в подобных чудовищ. В их сердцах продолжает теплиться некий лучик надежды на возможную встречу. У Людмилы Алексеевны Вакуленко такого лучика не было.

Именно поэтому она с таким рвением отдавалась своей

работе. Сыну исполнилось уже девятнадцать, он был студентом, и у него были свои привязанности. Мать вдруг с ужасом начала замечать, что его интересуют молодые девушки. При одной мысли, что в их доме может появиться другая женщина, Людмилу Алексеевну охватывала настоящая паника.

Когда ей позвонили и сообщили, что приехал адвокат свидетеля Ледкова, она даже не поняла, в чём дело.

– Какого Ледкова? – недовольно поинтересовалась она. – У нас нет таких задержанных.

– Он свидетель, – доложил уточнивший все обстоятельства дежурный офицер милиции.

– Зачем свидетелю адвокат? – недовольно спросила Людмила Алексеевна. – По какому делу он проходит свидетелем?

– По убийствам Низамова и Туричина, – доложил офицер.

– По этим делам, – поморщилась Вакуленко.

Она помнила об этом неприятном деле: несчастный фармацевт выбросился из окна. Зачем Ледков нанял адвоката, она ни в чем его не обвиняла. Но не принять адвоката нельзя. Зачем он сюда явился? У неё и без этих защитников так много дел. Но выгонять адвоката, даже не поговорив с ним, – это дурной тон. Сейчас не те времена, нужно любезничать с этими крючкотворами.

– Оформите ему пропуск, – разрешила Людмила Алексеевна. – Пусть пройдет ко мне.

Через несколько минут к ней в кабинет вошел высокий мужчина лет сорока пяти. На нем был элегантный светлый

костюм, хорошо подобранный серо-красный галстук в полосу, светлая рубашка. Мягкие туфли. У него были широкие плечи спортсмена и умные глаза интеллектуала. И запах. Она сразу почувствовала необычный запах его парфюма.

«И все хорошие адвокаты давно уже миллионеры», – с раздражением подумала Вакуленко, вставая и протягивая руку незнакомцу. Такой мужчина мог ей понравиться. Но она точно знала, что у неё нет никаких шансов. И поэтому она внимательно прочитала доверенность, выданную Ледковым пришедшему к ней гостю на ведение его дел.

Дронго, войдя в кабинет, огляделся. Судя по аскетичности стен и книжных полок, Вакуленко больше интересовало расследование уголовных дел, чем антураж её кабинета. Одного взгляда на следователя было достаточно, чтобы понять все её личные проблемы. Они поздоровались, и он сел на стул, получив разрешение хозяйки кабинета.

– Что произошло? – спросила Людмила Алексеевна. – Я не собираюсь предъявлять обвинение вашему клиенту. Он пока проходит только в качестве свидетеля по обоим уголовным делам. И я не понимаю, почему он так нервничает. И вообще цель вашего визита?

– Это были его друзья, – мягко улыбнулся Дронго, – друзья, с которыми он вырос и которых знал почти сорок лет. Согласитесь, что Геннадий Данилович может проявить некоторое беспокойство по этому поводу. К тому же его волнуют и эти непонятные конверты, которые получили все его дру-

зья, в том числе и погибшие.

– Это глупости, – нахмурилась Вакуленко, – чья-то глупая шутка. Вы видели убийцу, который заранее посылает извещения о своём преступлении? Я никогда о таком не слышала. Угрозы могут быть. Но они должны быть адресованы конкретным бизнесменам. Если бы угрожали только Ледкову или его другу... – она посмотрела на какую-то бумагу, раскрыв лежавшую перед ней папку, и прочла фамилию, – его другу Петунину, тогда я бы поняла, в чём дело. Они оба достаточно крупные бизнесмены и могли мешать своим конкурентам. Или иметь соперников в своем бизнесе. Но кому мог помешать несчастный сторож в туберкулезном санатории? Я думаю, вы понимаете, что ни о каких бизнес-интересах в данном случае не может идти речи. Я вообще возражала против объединения этих двух дел.

– Почему?

– В первом случае это обычное бытовое убийство, а во втором... вполне возможно, что самоубийство. Никто пока не доказал, что это было убийство. На теле погибшего не найдено никаких следов борьбы. Он был достаточно подготовленным человеком, в молодости занимался боксом. Соседи не слышали никакого шума. В общем, мы пока всё проверяем...

Если бы посетитель был чуть менее элегантен и плохо выбрит, она бы даже не стала с ним разговаривать. Но этот мужчина мог произвести впечатление на кого угодно, даже на

неё. Поэтому она позволила себе отвечать на его вопросы.

– Почему вы считаете, что в первом случае было чисто бытовое убийство? – поинтересовался Дронго.

– Наверно, выпил с кем-нибудь из своих собутыльников, – мрачно ответила Людмила Алексеевна. – Врачи нашли у него большую концентрацию алкоголя в крови. Самое интересное, что в его комнате не было ни одной пустой бутылки. Кто-то успел их вынести и сдать. Это мог быть какой-нибудь бомж или алкоголик, для которого лишняя десятка – большие деньги. Возможно, они повздорили, и собутыльник Низамова просто его задушил. Сейчас мы проверяем всех сотрудников в этом санатории.

– А конверт с цифрой «один»?

– Он просто лежал на столе, – пожала плечами Вакуленко, – это ничего не доказывает.

– Но когда выбросился из окна Туричин, на столе тоже нашли похожий конверт уже с другой цифрой. Вас нестораживает такое совпадение?

– Нет. Убеждает в верности нашей версии. Все свидетели показали, что Туричин и Низамов дружили, были достаточно близки. Когда убили Низамова, у Туричина могла развиться депрессия. Он жил один, семья его распалась, жена и сын его не навещали. На этой почве у него могла развиться депрессия. Вы видите в этих фотографиях какую-то мистику, а мы считаем, что это обычная тяжелая депрессия. После смерти своего друга детства он нашел фотографию и, навер-

но, очень переживал. Мы пока не знаем, кто это сделал, но на фотографии были обведены кружком Низамов и сам Туричин. При этом ручка лежала на столике и могла принадлежать хозяину квартиры. Экспертиза установила, что именно этой ручкой сделаны два круга.

– Отпечатки пальцев нашли?

– Нашли. Там были отпечатки пальцев самого Туричина. Вот почему у нас есть все основания полагать, что это он достал фотографию и переживал по поводу смерти своего друга. Они встречались на его дне рождения и сделали ещё одну фотографию незадолго до смерти обоих. Интересно, что круги появились на детской фотографии, а новая лежала рядом на столике. Возможно, сам Туричин решил устроить эту глупую шутку, разослав всем конверты. И выбрав себе «второй» номер. И, наконец, самое важное. – Вакуленко снисходительно улыбнулась. Этот мужчина ей нравился, и поэтому она старалась быть максимально любезной. – Наш погибший фармацевт злоупотреблял некоторыми лекарствами, в том числе психотропными. У меня есть протокол вскрытия, он принимал слишком много таблеток от депрессии. Как видите, я не просто так говорю о его возможном срыве. Мужчины в среднем возрасте испытывают похожие проблемы.

«Можно подумать, что женщины не испытывают подобных проблем в этом возрасте», – подумал Дронго.

– Я вас понимаю, – кивнул он, – конечно, у вас есть много доказательств в пользу версии самоубийства Туричина. И

никто из соседей не видел, как к нему приходили гости или гость?

– Никто, – победно заявила Людмила Алексеевна, – поэтому мы проверяем в первую очередь нашу версию. Низамова убили на бытовой почве, а Туричин мог выброситься из-за своего друга. Для того, чтобы доказать эту версию, мы обязаны найти убийцу Байрама Низамова, и я думаю, что мы его найдем. Сейчас сотрудники местной милиции проверяют всех охранников и бомжей в районе туберкулезного санатория. А все разговоры о сведении мальчишеских счетов с каким-то хулиганом, которого они побили в детстве, настолько несерьезны, что мы даже не будем об этом говорить.

– Но вы проверили и эту версию? – уточнил Дронго.

Она насторожилась. Неужели этот адвокат позволяет себе не верить в её опыт?

– Мы всё проверили, – сухо сообщила Вакуленко, – этот уголовник последний раз сидел в колонии под Харьковом. Ещё в девяносто пятом году, уже на Украине. Был освобожден в девяносто девятом. И больше никаких сведений о нем в МВД Украины нет. Возможно, он переехал в Россию или остался на Украине. Мы послали ещё один запрос. Но, судя по справке, которую мы получили, этот человек был тяжело болен уже в девяносто девятом. Цирроз печени, перенесенный инсульт, язва желудка. Полный букет обычных болезней человека, который половину жизни провел в колониях. И такой полуинвалид задушил Низамова и потом выбросил

из окна Туричина?

– А если он кого-то нашел? Ведь, если я правильно понял, этот человек много раз сидел в колониях и тюрьмах. Обычно такие люди бывают достаточно авторитетны в уголовной среде. Он мог найти себе помошника.

– Мы не рассматриваем фантастические версии возможного, – ещё более нервничая, сказала Вакуленко, – мы не имеем права ничего допускать. И имеем дело только с конкретными фактами. Нигде не найдено никаких отпечатков пальцев этого Хомичевского. И никто его не видел в Москве. Пока мне не докажут обратное, я буду считать, что все рассказы о мести уголовника мальчикам с его двора – всего лишь досужие вымыслы несерьезных людей.

Она с вызовом взглянула на Дронго.

– Возможно, что вы правы, – вежливо согласился он, чувствуя, как она заводится, – я всего лишь хотел поделиться с вами сомнениями своего клиента.

Но её уже трудно было остановить.

– И ваш клиент считает, что таким образом заставит меня поверить в его надуманную версию? – криво усмехнулась Людмила Алексеевна.

Она, не дожидаясь ответа на свой вопрос, захлопнула папку, давая понять, что разговор закончен. Дронго поднялся со стула.

– Извините, что отнял у вас время, – очень вежливо сказал он на прощание.

– До свидания, – мрачно ответила она, не подавая ему руки. Этот мужчина – такая же сволочь, как и все остальные. Напрасно она была с ним так откровенна. Она подписала пропуск и протянула его гостю. Все адвокаты – пройдохи и жулики, в очередной раз подумала Вакуленко.

Дронго забрал пропуск и вышел из её кабинета. Пока все факты за версию Вакуленко. Он ещё не знал, что уже через два дня эта версия будет опровергнута самым убедительным образом. Он вышел из здания прокуратуры, включил свой мобильный телефон. И сразу услышал звонок.

– У нас проблемы, – сказал ему Ледков, даже не поздоровавшись. – Где вы были? Я звоню вам уже целый час. Вы можете срочно приехать ко мне?

Глава четвертая

Офис компании Ледкова находился на Поварской улице. Раньше эта улица носила имя Воровского, затем вновь обрела прежнее название. Дронго приехал к Ледкову через полчаса после своего разговора с Людмилой Алексеевной Вакуленко. Достаточно было взглянуть на неё, чтобы понять все комплексы, которые бушевали в этой женщине. «Дронго» вышел из автомобиля и увидел Александра Казберука. Телохранитель Ледкова терпеливо ждал на улице появления Дронго. Они кивнули друг другу и вошли в здание, поднялись на четвертый этаж, в кабинет Ледкова.

Там уже находился Петунин. Ледков ходил багровый от возмущения и всё время махал руками, словно отгоняя от себя назойливых насекомых. На нем была белая рубашка без галстука. И темные брюки с черными подтяжками. Увидев вошедших, он остановился и повернулся к ним

– У нас произошло ЧП, – громко заявил Геннадий Данилович, – несчастный случай. Сипаков вместе с женой попали в автомобильную аварию.

– Подождите, – попросил Дронго, усаживаясь на стул, – не так быстро. Объясните, что произошло? Им устроили аварию? Кто-то пострадал? Как это произошло?

Казберук собирался осторожно выйти из кабинета, чтобы не мешать их разговору, но Ледков махнул ему рукой и при-

казал:

– Останься, не уходи.

Казберук устроился на одном из стульев, стоявших у входа.

– Теперь поясните, что произошло? – предложил Дронго.

– Они возвращались с дачи сегодня утром и попали в аварию, – выдохнул Ледков. – Обычно за рулем их автомобиля сидит жена Кима Тамара. Она его отвозит на работу и привозит. И на этот раз она тоже была за рулем. У них «Пежо» четыреста шестой модели. Их подрезал какой-то джип, в котором тоже сидела баба. В общем, две женщины за рулем, можете себе представить.

– Сильная авария?

– Не очень. Помяли дверцу и сломали фары. Но главное не в этом. Когда произошла авария, машина с сотрудниками охранного агентства шла за ними. Они врезались прямо в «Пежо». Такая тройная авария. Самое неприятное, что Тамара узнала этих охранников. Она вспомнила, что видела их несколько раз, сначала во дворе, а потом и в ресторане, где они с Кимом ужинали. Нужно было менять этих охранников, чтобы она их не запомнила, но эти ребята решили «халтурить» и дежурила обычно одна и та же пара. На всём нас пытаются наколоть, Саша...

– Извините, – вставил Казберук, – но там дежурили три пары сотрудников. Мы им так заплатили и договорились. Они менялись каждые двенадцать часов...

– Видимо, не менялись, – отрезал Ледков, – решили сэкономить. Посылали всё время одну и ту же пару. Вот она их и запомнила. В общем когда они вляпались в эту аварию, приехала милиция, появились сотрудники ГИБДД. Начались разборки, забрали документы у сотрудников охранного агентства и выяснили, кто они такие. Тамара заявила, что эти люди всё время следят за ними и авария была не случайной. Она вообще такая глазастая, всё сразу запоминает. В милиции начали проверку и быстро выяснили, что этих телохранителей наняли для охраны самого Кима. И он, конечно, обо всём узнал. Примерно час назад он позвонил мне и в ультимативной форме потребовал убрать этих «обезьян», как он выразился. Что нам делать?

– Никто не пострадал в аварии?

– Никто. У женщины, сидевшей в джипе, разбились очки. Можете себе представить, она сидела за рулем в очках.

– Могу. – Дронго нахмурился. – Что вы думаете делать?

– А что я могу сделать? Конечно, нужно убрать этих халтурщиков. Тоже мне охранники. Взяли деньги и не могли нормально сработать. Следили так, что их запомнили в лицо. И ещё попали в аварию, кретины... Ну и время. На всём пытаются обмануть.

– Вы не сказали, что собираетесь предпринять, – терпеливо напомнил Дронго.

– Выгнать этих придурков к чертовой матери, – прогрохотал Ледков. – Зачем они нам нужны? Тоже мне «профес-

сионалы». И ты, Саша, должен был проверить, как они работают.

– Их агентство считается одним из лучших.

– Поэтому они и посылают дилетантов, пытаясь сэкономить на охране, – отмахнулся Геннадий Данилович. – В общем, сделаем так. Пошлем их подальше и найдем другое агентство.

Казберук молча кивнул в знак согласия.

– Чтобы были настоящие профессионалы, – строго произнёс Ледков, – и на этот раз без халтуры.

– М-может, у нашего эксперта есть д-другое мнение, – сказал Петунин, – д-давай сначала п-послушаем господина Дронго. Ты же хотел с ним п-посоветоваться.

– Правильно. – Ледков поправил подтяжки и, уже обращаясь к гостю, спросил: – А как вы думаете?

– Я думаю, что засветившихся сотрудников нужно убрать, – согласился Дронго, – и нанять новых, более профессиональных. Но сначала нужно поговорить с вашим другом. Он ведь теперь будет внимательно смотреть за всеми, кто будет рядом с ним. Он уже знает, что вы наняли ему телохранителей, и будет проверять, нет ли за ним слежки.

– Мы об этом не подумали. – Ледков мрачно взглянул на Петунина. – Может, нам действительно поехать и с ним поговорить. Где они сейчас, Саша?

– Их уже должны были отпустить, – доложил Казберук, – но я всё узнаю.

Он быстро поднялся и вышел из кабинета. Ледков с шумом выдохнул воздух и наконец сел в своё кресло.

– Всё так глупо получилось, – пробормотал он.

– Успокойся, – попросил Петунин. – Г-главное, что мы всё в-выяснили. Эта а-авария не имеет ничего общего с покушением на Кима. Мы ведь с т-тобой больше всего б-боялись именно этого.

– Уже уточнили, кто была эта женщина, сидевшая за рулем «джипа»? – спросил Дронго.

– Какая-то Нина Авакян, с-супруга владельца супермаркета, – пояснил Петунин, – она вряд ли была убийцей, который р-рассылал нам письма. Или её муж, к-который послал свою ж-жену «протаранить» машину Кима.

– У них одна машина?

– Вы г-говорите про Сипаковых?

– Да. Геннадий Данилович сказал, что за рулем обычно сидит Тамара. Значит, у них одна машина в семье.

– По-моему, одна. А п-почему вы спрашиваете?

– Если машина разбита, то её отправят в профилакторий. А это значит, что в ближайшие несколько дней или недель ваш друг будет без автомобиля. Вы сказали, что на работу его обычно отвозила жена. Значит, в ближайшие дни ему придется передвигаться на метро или в общественном транспорте, что усугубляет риск и делает работу его возможных охранников очень сложной.

Ледков и Петунин переглянулись.

– Мы об этом даже не подумали, – признался Геннадий Данилович. – Может, приставить к нему не двоих, а четверых сотрудников?

– Сначала нужно с ним встретиться, – ответил Дронго.

– С Вакуленко вы уже в-встречались? – спросил Петунин.

– Встречался, – усмехнулся Дронго. – Должен признаться, что она произвела на меня гнетущее впечатление. Такой яркий пример убежденной мужененавистницы. Вам будет трудно убедить её, что Борису помогли выброситься из окна. У неё есть своя теория, достаточно последовательная и почти убедительная. Байрам был другом Туричина. Его убил какой-то собутыльник, а затем Борис, впав в депрессию после смерти друга, выбросился из окна. Именно он обвел ручкой на фотографии своего друга и свою голову. На ручке остались только его отпечатки пальцев. К тому же в крови погибшего Туричина нашли остатки антидепрессантов. Факты в пользу её версии. Борис впал в депрессию и решил выброситься из окна.

– Она сказала вам п-про лекарство? – не поверил Петунин и, обращаясь к своему другу, горько проговорил: – Неужели Боря п-принимал эти лекарства? А мы ни о чём не д-догадывались.

– Откуда мы могли знать? – разозлился Ледков. – Он же был фармацевтом, сам понимал, какие лекарства нужно принимать, а какие лучше не принимать. И насчет Байрама она не права. Какой собутыльник? Это мы были его собутыль-

никами. Он с чужими и капли спиртного в рот не брал. Никогда. У него была больная печень и повышенное давление, поэтому он не любил чужие компании. Расслаблялся только со своими.

– Один раз с Сашей в-выпил, – улыбнулся Петунин.

– Это не считается, – улыбнулся в ответ Ледков. – В общем, чушь несет ваша следователь. Или наша, я не знаю, как её называть. Я думаю, нам нужно ехать к Киму.

– Я бы хотел более подробно узнать насчет Сипакова и его супруги, прежде чем мы туда отправимся, – предложил Дронго.

– Что вы хотите узнать? – удивился Ледков. – Ким вырос вместе с нами, работает заведующим лабораторией в научно-исследовательском институте. Доктор наук, сын известного хирурга. Я вам всё про него рассказал.

– Это я помню. А его супруга?

– Тамара Троякова. Она на полтора года старше Кима. Но это её второй брак. Она достаточно известный критик, часто публикуется в газетах и журналах. Пишет довольно интересные статьи. У неё много свободного времени, и поэтому она сама отвозит Кима на работу и привозит его с работы.

Позвонил телефон, и Ледков взял трубку. Выслушав сообщение, он нахмурился.

– Нет, – сказал он, – по двести двадцать нельзя. Только двести пятьдесят. У нас не шарашкина контора, а солидная фирма. Двести пятьдесят, и ни долларом меньше. А будут

артачиться, пошли к чертовой матери. И никаких уступок. У нас цену вывел Эмиль Борисович, а он лучше нас с тобой разбирается в таких вопросах. Ты всё понял? Вот так им и передай.

Петунин усмехнулся. От Дронго не ускользнуло, как отреагировал друг детства Ледкова на его категорическое заявление. Ледков положил трубку.

– Что я говорил? Ах, да, про Тамару. Они женаты уже пятнадцать лет. У неё второй брак. Есть сын от первого, но он живет в Киеве. Ему уже двадцать четыре года. Или двадцать пять.

– А первый супруг Тамары?

– Режиссер Аркадий Чистовский. Вы, наверно, видели его фильмы. Говорят, он талантливый человек. Но не в моём вкусе. Какие-то дикие страсти, фантастика, разные ужасы. Я с детства не любил читать фантастику. А вот Женя её любил. И Арнольд любил.

– Т-ты вообще мало ч-читал, – заметил Петунин.

– Наверно, мало, – согласился Ледков. – Но этот Чистовский сильно злоупотреблял спиртным. И она ушла от него к Сипакову. Ещё пятнадцать лет назад. Ушла вместе с сыном. Хотя мальчик вырос у бабушки, её матери.

– Значит, Ким Сипаков был невольным виновником развода своей будущей жены?

– Н-нет, – вмешался Петунин, – виноват был т-только сам Чистовский. Он сильно в-выпивал.

– Но она ушла от него к вашему другу, – продолжал настаивать Дронго.

– Ну и что? Женщина сама решает, с кем она хочет жить, – ответил Ледков. – А ей захотелось иметь рядом такого человека, как Ким. Спокойного, выдержанного, умного, непьющего.

– Он совсем не пьет?

– Немного. Только вместе с нами и по праздникам. Можно сказать, что среди нас он самый мало пьющий, – чуть подумав, ответил Ледков.

– А где этот Чистовский сейчас?

– Не знаю. Где-нибудь снимает очередной свой фильм, – пожал плечами Ледков.

– Он женился?

– Кажется, да, но потом снова развелся. Не все женщины могут выдержать его запои. Говорят, у него случаются такие приступы. Но я точно ничего не знаю...

– Он д-два раза лечился в б-больнице, – снова подал голос Петунин.

– И снимает такие «забавные» фильмы, – задумчиво произнёс Дронго. – А если эта склонность к разного рода кино-трюкам и желание мести наложились друг на друга? Он может считать, что супруга бросила его ради Сипакова. И решил таким необычным образом отомстить. Вы допускаете такую возможность?

Ледков и Петунин переглянулись.

– Режиссер? – переспросил Ледков. – Неужели он мог? Хотя эти дурацкие конверты. Может, он действительно решил устроить такой спектакль?

– Н-нет, – решительно сказал Петунин. – Он бы не с-справился с Борисом. Я его в-видел. Он бы не с-справился.

– В любом случае нужно проверить все версии, – сказал Дронго.

И в этот момент снова позвонил телефон. Ледков недовольно поднял трубку.

– Чего ты меня дергаешь? – закричал он, услышав чей-то голос. – Я тебе уже сказал, что меньше чем по двести пятьдесят я не отдам. И передай так Ладю, чтобы не выкаблучивался. Не хочет, пусть катится на все четыре стороны. Найдем другого клиента. Они у нас в очередь стоят, всем нужен наш лес. Нет. Я сказал, что не собираюсь ему уступать. И не нужно давить на Эмиля Борисовича. Он всё равно вам ничего не скажет. Я тебе сказал, что никаких уступок больше не будет.

Ледков бросил трубку, но позвонил уже другой телефон. Он взял трубку второго аппарата и так же грозно рявкнул:

– Что ещё случилось? Ах, это ты, Саша? Узнал? Уже приехали? Ну хорошо, тогда мы прямо сейчас к ним поедем. Да, прямо сейчас. И наш эксперт поедет с нами.

– Они уже дома, – сказал Ледков, положив в очередной раз Трубку. – Поедем к ним и поговорим. Может, вы сумеете убедить Кима, что ему нужна охрана. А если это действительно Чистовский? Может, послать к нему Сашу, чтобы он

с ним поговорил?

– Пока не нужно, – возразил Дронго.

Ледков поднялся из-за стола, достал из шкафа свой пиджак, надел его. В этот момент Петунин спросил:

– Это Игорь 3-звонил?

– Да. Ладо на него давит, просит, чтобы продали по две-сти двадцать или двести тридцать. Но мы потеряем на этом контракте три миллиона долларов. Поэтому я и не разрешил снизить цену.

– Ты у нас к-крутой бизнесмен, – иронично заметил Петунин.

– А ты слишком добрый, – отозвался Ледков, – всем уступаешь. Говорят, что Ладо и на тебя давил. Нашел с кем работать. Типичный стервятник.

– Он со в-всеми дела имеет. Там, где м-можно хоть к-копейку заработать.

– Вот именно копейку, – махнул рукой Ледков, – удавится из-за копейки, гадина. Пошли быстрее.

Они вышли в приёмную, где их уже ждал Александр Казберук. Секретарь показала на папку с документами. Ледков нахмурился

– Отдай Эмилю Борисовичу, – приказал он, – пусть всё посмотрит. Когда я приеду, он мне расскажет. И позвони домой жене, скажи, что я буду поздно.

– А если позвонит... – секретарь намеренно не договорила, Ледков понял, кого она имеет в виду. Он немного сму-

тился, отвернулся и быстро проговорил:

– Скажи, что заеду. До свидания.

Они вышли из приёмной.

«Слишком много неучтенных факторов, – подумал Дронго, – нужно с ним поговорить и уточнить всё, что меня интересует».

Глава пятая

У подъезда их ждали два автомобиля. «БМВ» седьмой серии темно-синего цвета и пятисотый «Мерседес». Первый принадлежал Петунину, второй Ледкову. Кроме самого Геннадия Даниловича, в его машине находились водитель и Александр Казберук. Ледков предложил Дронго место в своём автомобиле. Петунин отправился в свой. Когда обе машины отъехали, Дронго обернулся.

– У него водитель достаточно пожилой, – сказал он Ледкову.

– Да, он работает с ним уже много лет, – ответил Геннадий Данилович.

– И телохранителей у него нет. Получается, что он боится меньше всех? Он такой смелый?

– Он же только «пятый», – задумчиво произнёс Ледков. – Наверно, он начнет бояться сразу после моей смерти. Или после убийства Кима, постучу, чтобы этого не случилось.

– Вы думаете, только поэтому? Может, он не очень верит в эти конверты с угрозами?

– Может быть, – равнодушно согласился Ледков, – он всегда был самый умный из нас. Он и Ким Сипаков были нашими «мозгами». Ким был по-своему умным, начитанным, грамотным. А у Жени ум более практичный, больше подходящий для конкретной жизни. Понимаете, о чём я говорю?

Он умеет быстро принимать нестандартные решения.

– Это он предложил охрану для Кима?

– Мы оба решили, что так будет лучше. Саша, как у нас с новыми охранниками?

– Завтра мы подпишем все документы, и уже с вечера они будут охранять Кима, – сообщил Казберук. – Я нашел самое лучше охранное агентство. Только они просят в два раза больше.

– Вот сволочи, – выругался Ледков, – ты пока с ними поторгуйся. Мы сейчас поговорим с Кимом, и я тебе скажу, как нам быть.

– Хорошо. Но со старым агентством я договор разорвал.

– Ну и правильно сделал, – согласился Геннадий Данилович.

Он посмотрел на часы.

– У меня ещё столько разных дел, – признался Ледков.

Он достал мобильный аппарат и набрал номер.

– Здравствуй, Аллочка, это я. Сегодня немного задержусь, но обязательно заеду. Новый телевизор уже привезли? Очень хорошо. Ну, будь умницей, я вечером заеду.

Он убрал телефон, посмотрел в окошко.

– Могу я задать вам личный вопрос? – вдруг спросил Дронго.

– Конечно, – удивился Ледков, – о чём вы хотите меня спросить?

– Можете не отвечать, если не хотите. У вас есть любов-

ница?

Ледков помолчал. Немного подумал. И наконец выдавил:

– Есть. Я только что с ней разговаривал. Вы хотели спросить о ней. Разве это преступление?

– Нет, – улыбнулся Дронго, – совсем нет. Я только хотел уточнить. Как её зовут? Вы назвали её Аллой?

– Да. Аллочка Сабитова. У неё отец татарин, а мать русская. Она работала моделью в известном доме моды. Потом я настоял, чтобы она ушла. Ей двадцать шесть лет. Очень красивая женщина.

– Давно знакомы?

– Полтора года. Сначала просто встречались. Потом я купил ей квартиру в новом доме, и она переехала туда.

– Жена об этом знает?

– Нет, – испуганно ответил Ледков, – нет, нет. Конечно, не знает.

– Ваш секретарь, по-моему, знает.

– Точно знает. Вы встречали секретарей, которые не знают о любовницах своих шефов? Я таких не встречал.

– Мне понадобится более подробно познакомиться со всеми людьми, которые окружают вас и вашего друга Петунина.

– Пожалуйста. Только у Жени, кажется, нет постоянной любовницы. Он не аскет, у нас были девочки, разные встречи. Но постоянной подруги у него нет. Женя вполне доволен своей супругой. Она очень красивая и умная женщина. Между прочим, младше его на одиннадцать лет. Она професси-

ональная спортсменка, занималась художественной гимнастикой. Ей было девятнадцать, когда она познакомилась с Женей. А ему уже под тридцать.

– Вы говорили про какого-то Игоря. Это ваш заместитель?

– Почти. Хотя он не официальный вице-президент. Это брат моей жены, очень надежный и толковый парень. Ему только тридцать три, но он уже кандидат физико-математических наук. Он младше моей жены на пять лет.

– У вас молодая жена?

– Ну, не такая молодая, как Алла, и не такая, как Инна, жена Петунина. Моей Любе тридцать восемь. У нас уже двое взрослых детей. Дочери шестнадцать, а сыну четырнадцать. Они учатся в Англии, и жена часто бывает у них. Там у нас есть своя небольшая квартира. Ну а я, соответственно, часто остаюсь один. Поэтому и нашел Аллу. Осуждаете?

– Никогда в жизни никого не осуждал, – заявил Дронго. – Все отношения между людьми – это исключительно их личное дело.

– Правильно. Но так думают не все.

– А кто такой Ладос?

– Жулик и проходимец, – сразу повысил голос Ледков, – типичный стервятник. Хватает всё, что плохо лежит. У него своя консалтинговая фирма. И он часто исполняет функции посредника. В общем, он уже много лет паразитирует на наших с Женей связях.

– Откуда вы его знаете?

– Не помню. Но такое ощущение, что знаю много лет. Кто-то где-то познакомил, где-то мы виделись, и он сразу становится вашим закадычным другом. Типичный бизнесмен нового поколения без всяких моральных принципов и тормозов. Хотя по возрасту мы почти ровесники.

– А вы говорили, что с Петуниным у вас нет общего бизнеса.

– Правильно говорил. Никакого общего бизнеса. У него свой бизнес, а у меня свой. А Ладо Дарчиев пользуется тем, что знает нас обоих.

– Значит, нашел ниточку, которая вас связывает, – удовлетворенно заметил Дронго.

– Ничего не связывает, – возразил Ледков. – Такие прилипалы есть рядом с каждым крупным бизнесменом, хватают всё, что плохо лежит. У нас в Москве слишком много кавказцев, которые считают, что им всё дозволено... Он произнёс эту фразу и только затем понял, что именно он сказал и кому.

– Извините, – немного сконфуженно пробормотал Геннадий Данилович, – я, конечно, не имел в виду вас.

– Но сказали про всех кавказцев. – Дронго покачал головой. – Как только нас обманывает один еврей, мы сразу записываемся в антисемиты, как только нас подводит один кавказец, мы сразу становимся ультранационалистами. Пора бы привыкнуть к тому, что среди представителей любого народа бывают и хорошие, и плохие люди.

– Наверно, – согласился Ледков, – но когда этих людей слишком много, наступает такая реакция. Вы же знаете, сколько у нас в Москве кавказцев. Наверно, несколько миллионов. И на всех рынках они. Вот у людей и наступает ответная реакция. А что касается евреев. Вы включите телевизор и попытайтесь найти там хотя бы одного русского. Никогда не найдете. Ни среди ведущих, ни среди выступающих. А если и есть русская фамилия, то это бывший еврей. И среди самых богатых людей в нашем городе почти все представители их народа. Поэтому их так и не любят. И я людей понимаю.

– А я нет, – жестко ответил Дронго. – Если кто-то умеет работать немного лучше, нужно стараться его превзойти, а не раздавить или убить. И уж тем более не сваливать это на ментальность другого народа. Всегда считал, что националисты – тяжело больные люди. Вместо того, чтобы учиться у других, они считают свой народ исключительным явлением. По-моему, глупо. Всегда есть чему учиться и у евреев, и у кавказцев, и у европейцев, и у американцев, и у азиатов. И уж тем более у русских. Народ, имеющий такую великую культуру, такую литературу, такую музыку, просто не имеет право на национализм. Хотя бы потому, что вы действительно великая нация.

– Скажите об этом нашим «патриотам», – пробормотал Ледков. – Но, в общем, я с вами согласен. С одним кавказцем, то бишь с вами, я могу сотрудничать и даже прибегать

к вашей помощи. А с другим... с нашим знакомым Ладо я бы не сел в одну машину или за один стол. Хотя он часто оказывается в компаниях, где бываю и я... Что касается евреев... И здесь вы правы. Нам всем нужно у них учиться. Не могу понять, как они воспитывают своих детей. Но, наверно, в этом есть какая-то тайна. Все умные, все толковые, и все умеют работать. У нас вице-президент по финансовым вопросам Эмиль Борисович Левин – умница, можно сказать, финансовый гений. Каждый раз с ним разговариваю и поражаюсь, откуда такие берутся. А отец у него, между прочим, был обычный зубной техник. Но как сумел сына воспитать.

Они замолчали. Машины медленно двигались в обычных московских пробках. «Дронго» и Ледков увидели, как на светофоре мимо них прошла высокая и красивая девушка. Она не могла видеть сидевших в салоне автомобиля людей, но они увидели, как она улыбается летнему солнцу.

– У вашего друга Кима наверняка нет любовницы? – поинтересовался Дронго.

– Нет. Его вообще женщины мало интересуют. Я думаю, что в их отношениях главная роль всегда отводилась Тамаре. Она была главным инциатором их встреч и их совместного проживания. Несколько лет они жили в гражданском браке. Мы даже удивлялись. Такая женщина и вдруг живет с Кимом. Он не такой человек, чтобы кого-то отбивать или уводить. Я всегда считал, что Тамара сама ушла от своего режиссера.

– У погибшего Бориса были знакомые женщины?

– Кто-то был. Но он никогда и ничего нам не рассказывал.

Он вообще был человеком замкнутым и довольно мрачным. Вы думаете, что эти конверты с номерами связаны с какой-то женщиной?

– Пока я пытаюсь понять, кто из вашего окружения мог быть заинтересован в смерти членов вашей дворовой команды. И ничего не могу понять.

– Я сам тоже ничего не понимаю, – признался Ледков. – Кому и зачем понадобилось устраивать такое кровавое шоу? Какой в этом смысл? И если это не Толик Хомичевский, то кто тогда решился на такое? И самое главное, зачем? Кому мешал Байрам? Он работал обычным охранником в санатории. Не знал никаких секретов, не занимался бизнесом, никого не трогал. Зачем его убивать? Не могу понять.

Машины въехали во двор, остановились у подъезда. Игрившие во дворе дети обступили роскошные автомобили. Петунин вышел из второй машины.

– П-пойдем, – предложил он, первым входя в подъезд.

Ледков поспешил следом за ним, пропуская вперед Дронго и сделав знак своему телохранителю, чтобы тот оставался у машины. Втроем они вошли в кабину лифта и поднялись на седьмой этаж. Вышли на лестничную клетку. Здесь было достаточно чисто и опрятно.

– Это дом ученых, – пояснил Петунин, как будто грязь в других домах оправдывалась отсутствием научных степеней

у их обитателей.

Они позвонили, и дверь почти сразу открылась, словно их ждали. На пороге стояла высокая, худощавая женщина лет сорока пяти. У неё были коротко остриженные волосы, немного вытянутое лицо, тонкие губы, зеленые глаза. В руке она держала сигарету. Тамара была в джинсах и в синей блузке с короткими рукавами. Увидев гостей, она чуть по-сторонилась.

– Добрый день, – сказала она немного хриплым голосом, – заходите, коль приехали.

Петунин вошел первым. Следом Дронго и Ледков. Тамара прищурилась, увидев незнакомца.

– Он из прокуратуры или из милиции? – уточнила она. – Хотя, судя по развороту его плеч, он, наверно, из ФСБ? Кого ещё вы задействовали, чтобы нас охранять? Или за нами следить?

– Никого, – развел руками Ледков. – Здравствуй, Тамара. И не нужно сразу на нас бросаться. Это наш друг, эксперт по вопросам преступности, господин Дронго.

– Как? – оживилась Тамара. – Как, ты сказал, его имя?

– «Дронго», – повторил Ледков. – Мы можем пройти в комнаты?

– Идите. Ким у себя в кабинете. Ким, они пришли к тебе, – крикнула жена и добавила: – Я, кажется, что-то о вас слышала, господин Дронго. Так вас называют?

– Обычно так, – улыбнулся он, проходя по коридору.

В этой квартире самая большая комната была кабинетом хозяина. Он сидел за столом и листал какую-то книгу, поправляя очки. Когда гости вошли в его комнату, он наконец поднял голову. Улыбнулся. У него были добрые и немного уставшие глаза. На нём была клетчатая рубашка и вельветые брюки коричневого цвета. В кабинете царил тот беспорядок, который бывает обычно у творческих людей.

– Входите, ребята, – встал он из-за стола, поправляя растрепавшиеся волосы. Он пожал руки Петунину и Ледкову. Представился Дронго:

– Ким Сипаков. Извините, что я принимаю вас в кабинете. Здесь такой беспорядок.

– Меня обычно называют Дронго, – сообщил гость.

– Ничего страшного.

– Садитесь, – показал им на диван и два глубоких кресла хозяин квартиры, – садитесь, ребята, и рассказывайте, какую пакость вы мне приготовили. Про ваших незадачливых охранников я уже знаю. Ещё немного, и они смяли бы в лепёшку нашу машину. Хорошо, что всё так обошлось.

– Они должны были тебя охранять, – сказал Ледков, устраиваясь в одном из кресел. «Дронго» сел на диван. Рядом уселся молчаливый Петунин.

– Я видел, как они меня охраняют. – Сипаков захлопнул лежавшую перед ним книгу. – Не понимаю, как вы могли. Неужели вы всерьёз поверили в эти глупые конверты с цифрами? И кому могла прийти в голову такая чушь? Я говорил

со следователем, она тоже не верит в эти глупости. А вы поверили. Ребята – это был элементарный розыгрыш. Кто-то так глупо пошутил. И цифры случайно совпали. Первые две с Байрамом и Борей. Просто совпадение.

– Мы хотели, чтобы они тебя защитили, – мрачно сообщил Ледков.

– А вместо этого они только за нами следили, – вставила Тамара, появившаяся на пороге. Она курила, прислонившись к дверям кабинета.

– Они не следили, – попытался возразить Ледков.

– Только не говори, что они нас охраняли, – попросил Сипаков, – от кого, зачем? Кто нас хочет убить? Кому мы мешаем?

– Откуда я знаю, – пожал плечами Ледков. – Мы наняли телохранителей, чтобы они тебя охраняли. На всякий случай...

– А если мы не хотим этих телохранителей? – спросила Тамара. – Если мы не хотим, чтобы кто-то знал о нашей личной жизни? Разве вы не обязаны были нас предупредить?

– Но Ким не хотел...

– И правильно делал, – повысила голос Тамара. – Вы не имели права нанимать людей без нашего согласия. Или вы не понимаете таких элементарных вещей? Друзья называются.

– Понимаем, – обреченно сказал Ледков. – Но мы старались для вас. А если эти «цифры» не шутка? Если кто-то хочет перебить нас всех. Что нам тогда делать?

– Обратиться в милицию или в прокуратуру, – отрезала Тамара. – Вы ведете себя, как маленькие дети. Неужели вы не понимаете, что мы просто не хотим, чтобы за нами ходили чужие люди, к тому же без нашего ведома. Это так трудно осознать?

Дронго молча следил за этой пикировкой. Почему она так не хочет, чтобы за ними следили? Если она любит своего мужа, то должна понимать, что его друзья делают всё, чтобы обеспечить ему безопасность. Почему она не выносит присутствия чужих? Какой «скелет» спрятан у неё в шкафу? Чего она боится?

– М-мы не считали, что всё так п-принципиально, – вмешался Петунин.

– Очень принципиально, – отрезала Тамара. – И давайте на этом закончим. Чтобы ни один человек нас больше не охранял. Нам это не нужно.

Дронго понял, что этот спор может вылиться в неприятную сцену.

– Вы можете показать мне конверт с вашей цифрой? – спросил он.

– Нет, – усмехнулся Сипаков, понявший, что гость намеренно меняет тему разговора, чтобы успокоить споривших гостей и жену хозяина, – не могу. Я его сразу порвал и сжег. Зачем мне эти глупости.

– И не проверяли?

– Ничего не проверял. Так и следователю сказал. Кому

нужно оставлять это барахло? У меня и так дом завален бумагами. Порвал и сжег.

– А фотографии вместе с друзьями у вас остались?

– Конечно, остались. Мы всегда вместе собираемся и фотографируемся на память. Только этот альбом сейчас куда-то затерялся. Он вам нужен?

– Нет, просто спросил.

– У нас была веселая детская компания, – улыбнулся Сипаков. – Мы так здорово дружили. И дружим до сих пор.

– А если это действительно Толик Хомичевский, – вдруг тихо спросил Ледков, глядя на своего друга.

Тот снял очки, протер стекла специальной салфеткой, лежавшей у него на столике. Снова их надел, посмотрел на Ледкова.

– Ты по-прежнему веришь в такие глупости? Он решил через тридцать или сорок лет вернуться в Москву и начать убивать ребят, которые его побили в детстве? Полный абсурд. Ты помнишь всех, с кем дрался в детстве? Мы и Толика запомнили только потому, что он избил Арнольда, и мы решили ему отомстить.

– Нет, – возразил Ледков, – а его нож, который он спрятал? Если ты помнишь, то первым его нашел Низамов. И он же первый погиб. Ты думаешь, это совпадение?

– Ты такой известный бизнесмен, а рассуждаешь, как ребёнок, – ответил Сипаков. – При чем тут нож или наша драка спустя столько лет? И зачем тогда посылать нам эти конвер-

ты и убивать нас по очереди? Наоборот, тогда он должен был предупредить всех и убивать безо всякой очереди. Ведь если у меня цифра «три», то следующим точно должен быть я. Предположим, что ему удалось до меня добраться. Но «четверка» у тебя, и тебя будут охранять сразу несколько человек. Как тогда он до тебя доберется? И что делать с «пятеркой», которая выпала Жене Петунину? Представляешь, как его тогда будут охранять? В общем, с каждым новым убийством его задача будет почти невыполнимой. Зачем в таком случае устраивать весь этот цирк? Я лично думаю, что Толик Хомичевский здесь ни при чем. Не верю я в такого графа Монте-Кристо, который явился через столько лет, чтобы восстановить справедливость. Да и справедливостью это не назовёшь. Он был типичный уголовник, без всякой фантазии...

При этих словах Сипакова все мужчины взглянули на Тамару. Она повернулась и ушла на кухню.

– Тяжелый у неё характер, – вздохнул Ледков. – Что советуешь нам делать, Ким? Снять охрану вообще? Но это может быть очень опасно. А если это не цирк, а реальная угроза? И такой «Монте-Кристо» действительно существует?

– Твои охранники всё равно нас не защитят, – твердо заявил Ким. – Да и Тамара психует, говорит, что никуда не сможет ездить, нервничает, плачет. Пока вы приехали, она мне целую лекцию прочла о вреде чужих глаз, которые наблюдают за нашей семьей. В общем, ребята, извините, но нам

такие охранники не нужны.

– М-может, мы тебе хотя бы м-машину пока дадим, – предложил Петунин в наступившей тишине, – у т-тебя же нет автомобиля.

– За машину спасибо, – рассудительно ответил Ким. – Это было бы очень кстати. Только не такую навороченную, как у тебя, а обычную, чтобы мы могли с ней справиться.

– Чем круче машина, тем легче она в управлнии, – вставил Ледков. – Но если хочешь, мы найдем тебе такой же «Пежо», как ваш. Сумеете управиться?

– Конечно, сумеем, – обрадовался Ким, – вот за это спасибо. А наблюдателей уберите. Они нас будут только нервировать.

Ледков кивнул в знак согласия и взглянул на Дронго, словно приглашая его к разговору.

– А вы сами никого не подозреваете? – поинтересовался Дронго.

– Нет, никого. Я стараюсь об этом даже не думать.

Тамара снова появилась на пороге кабинета.

– Идемте, ребята, на кухню пить кофе, – предложила она. – И ни слова больше об этих «гориллах». Уберите их раз и всегда. А я своего мужа сама буду охранять. Ни одного киллера к нему не подпущу, можете быть уверены.

– Пошли, – улыбнулся Сипаков, поднимаясь со своего места, – у нас такой хороший кофе.

Они вышли в коридор.

– Подождите, – вдруг сказал Дронго.

Он заметил, как она напряглась. Ошибиться было невозможно. Она явно испугалась, словно ожидая какого-то разоблачения.

– Что? – быстро спросила она. – Что вы хотите?

– Чаю, – улыбнулся гость. – Можно попросить вас заметить мне кофе на чай?

– Разумеется, – было заметно, как она осторожно перевела дыхание. Её явно волновал и этот неожиданный визит, и сотрудники частного охранного агентства, которые так некстати появлялись у неё за спиной. Ни один из мужчин даже не мог предположить, что в этот день они последний раз видят живого Кима Сипакова.

Глава шестая

Вечером он вернулся к себе домой. Информации было много, но она была разрозненная и словно рассыпанная на кусочки. Он прошел на кухню, включил чайник и уселся за стол, размышляя о сегодняшнем дне. Итак, цифра «три». Ким Сипаков и его супруга. Он типичный ученый-сухарь, которого мало что в жизни интересует кроме его книг и работы. С женщинами ему сложно, хотя и живет со своей Тамарой. Она более сильная женщина, очевидно, руководит своим мужем, направляя его. После режиссера, с которым у неё не сложился первый брак, она сама выстраивает свой второй, оберегая его от постороннего вмешательства. И оберегает достаточно серьезно, если так категорически не пускает в свою жизнь чужих людей. Если она что-то скрывает, а похоже, что дело обстоит именно так, тогда понятно, почему она так нервничает из-за этих охранников.

Нужно поговорить с этим режисером, её мужем, подумал Дронго. Нужно будет найти его и переговорить. Теперь следующая «цифра». Геннадий Данилович Ледков. Бизнесмен, у которого могут быть свои соперники или конкуренты. Нужно проверить, кто такой Ладо Дарчиев. Обязательно выйти на любовницу Ледкова. Она может знать о своём друге гораздо больше, чем тот сам о себе. Поговорить с его супругой. Что ещё? Встретиться с Александром Казберуком

ещё раз. Попытаться понять, какие отношения были у Ледкова с убитыми друзьями. Может, он поручал им какие-нибудь разборки? Один – бывший боксер, другой – охранник. Очень возможно.

Зазвонил телефон, и Дронго подошел к аппарату.

– Добрый вечер, – услышал он знакомый голос Эдгара, – как у тебя дела? Сумел поговорить со следователем?

– Лучше бы не говорил, – ответил Дронго. – Она считает, что Низамова задушил кто-то из его знакомых, а его друг, впавший в депрессию, выбросился из окна. У него в крови нашли остатки антидепрессантов.

– Может, она права?

– Ты много знаешь мужчин, которые кидаются в окно из-за смерти своих друзей детства?

– А если он перегнул палку с наркотическими препаратами? Он ведь был фармацевтом, такое вполне возможно.

– Тогда Сипакову нечего опасаться. Сумел узнать что-нибудь про этого Хомичевского?

– Он достаточно известная личность, но в России он уже лет семь не появлялся. По данным информационного центра МВД, у них есть его отпечатки пальцев. Он был достаточно колоритной фигурой в воровском мире. Но уехал на Украину в середине девяностых, где получил тюремный срок и остался. Больше о нём ничего не известно.

– Нужно его найти, – предложил Дронго. – Я думаю, будет правильно, если вы с Леной Кружковым поедете в Харьков,

попытайтесь найти хотя бы какие-нибудь следы этого Толика. И заодно проверить его данные в МВД Украины. У тебя же есть знакомые в Киеве.

– Постараемся, – ответил Эдгар. – Тогда завтра мы вылетим в Киев, а уже оттуда в Харьков.

– Будьте осторожны, – попросил Дронго. – Здесь не тот случай, когда нужно лезть на рожон. Он бандит, а не джентльмен.

– Это я помню. – Вейдеманис попрощался и положил трубку.

Дронго вернулся на кухню. Налил себе чай. И в этот момент снова позвонил телефон. Тот самый городской телефон, на котором работал автоответчик. Он прислушался. Говорила... говорила Тамара, супруга Кима Сипакова. Она позвонила ему сама и теперь надиктовывала номер своего мобильного телефона на его автоответчик, чтобы он ей перезвонил. Удивленный этим неожиданным звонком, Дронго подошел и взял трубку.

– Я вас слушаю.

– Хорошо, что вы оказались дома, – торопливо произнесла Тамара. – Извините, что я сегодня так нервничала. Я узнала номер вашего городского телефона у Гены Ледкова и решил вам перезвонить. Я вас не побеспокоила?

– Нет. Я вас слушаю.

– Мне не хотелось при ребятах... В общем, мне нужно с вами переговорить. Это не телефонный разговор. Скажите,

куда мне приехать. Ребята пригнали нам машину, и я за рулем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.